

М. Т. Аширбекова, Ф. М. Кудин

ПРИГОВОР СУДА КАК АКТ ПРАВОСУДИЯ

Статья посвящена определению понятия приговора как акта правосудия, а также его места в системе судебных решений. Отмечается, что законодатель при регламентации приговора как вида судебного решения следует двум тенденциям: традиционной и новой. В рамках первой в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации нормативные предписания, связанные с приговором, основываются на признании его особенности, что отражено в главе 39, специально посвященной постановлению приговора, требованиям, которым он должен соответствовать, структуре, порядку оглашения. Что касается новой тенденции, то она характеризуется тем, что законодатель приравнивает приговор к иным судебным решениям, что видится из содержания пп. 53.1, 53.2 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Ими устанавливаются одинаковые признаки для всех судебных решений, включая приговор и иные итоговые судебные решения. Кроме того, все судебные решения, в том числе приговор, определяются как акты правосудия. Авторы статьи обосновывают, что только приговор суда первой и второй инстанции может пониматься как акт правосудия в силу того, что только приговор разрешает вопрос о невиновности или виновности подсудимого; имеет преюдициальное значение, если он постановлен в общем порядке судебного разбирательства; постановляется от имени государства. В связи с этим в статье отражается полемика по дискуссионному вопросу о понятии правосудия. Обосновывается, что осуществление правосудия — вид реализации функции разрешения уголовного дела по существу с обязательным разрешением вопроса о виновности подсудимого. Соответственно, все иные виды реализации судебной власти, например прекращение судом уголовного дела, судебный контроль, проверка вступивших в законную силу судебных решений, экстрадиция, являются вариантами разрешения уголовного дела, но не осуществлением правосудия.

Ключевые слова: правосудие, приговор, итоговые судебные решения, преюдиция, судебное разбирательство, судебное заседание.

М. Т. Ashirbekova, F. M. Kudin

SENTENCE AS AN ACT OF JUSTICE

The article is devoted to the definition of the sentence as an act of justice, as well as its place in the system of judicial decisions. It is noted that the legislator when regulating the sentence as a type of court decision follows two trends: traditional and new. As part of the traditional trend in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the regulatory directions related to the sentence are based on the recognition of its special nature, which is reflected in Chapter 39 of the Criminal Procedure Code, specially devoted to the resolution of the sentence, to the requirements to which it must comply, the structure, the order of disclosure. The new trend is characterized by the fact that the legislator equates the sentence with other judicial decisions, as evidenced by the content of pp. 53.1, 53.2 of Article 5 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. In addition, all court decisions, including the verdict, are defined as acts of justice (Art. 40.01.6 of the Code of Criminal Procedure). The article justifies that only the verdict of the first and second instance courts should be understood as an act of justice, since only it: is decreed on behalf of the state; resolves the issue of innocence or guilt of the defendant; has a prejudicial significance if it is decided in the general order of the trial. In this connection, on the basis of the analysis of theoretical judgments expressed in the science of criminal procedural law, the peculiarities of justice are singled out, and it is also justified that the implementation of justice is a type of realization of the function of resolving a criminal case in essence with the obligatory resolution of the question of the guilt of the defendant. Accordingly, all other types of realization of the judiciary, for example, the termination by a court of a criminal case, judicial control, verification of judicial decisions that have entered into legal force, extradition are options for the resolution of a criminal case, but are not the implementation of justice, since the judicial acts issued during their proceedings do not resolve the issue of the person's guilt.

Key words: justice, sentence, final judicial decisions, prejudice, court session, judicial investigation.

Приговор суда — результат второй инстанций по рассмотрению и разрешению правореализационной деятельности суда первой и уголовного дела по существу. По этой причине

вопросы, связанные с понятием приговора, его содержанием и значением, всегда находятся в центре внимания ученых и практиков. Тем не менее нужно отметить, что в последнее время проблематика приговора актуализировалась дополнениями и изменениями, внесенными в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ). Из числа относительно новых положений закона следует указать то, что законодатель внес дополнения в ст. 90 УПК РФ, в результате которых стали выделяться приговоры, постановленные в общем порядке судебного разбирательства, как обладающие преюдициальной силой, и приговоры, постановленные в особом порядке судебного разбирательства (ст. 226.9, 316 или 317.7 УПК РФ), на которые преюдиция не распространяется [1].

Актуальность теоретических, законодательных и практических вопросов, связанных с понятием приговора и его значения как акта правосудия, актуализируется и разработанным Верховным Судом Российской Федерации законопроектом. Он предлагает установить сокращенный порядок оглашения судебных решений [2]. В частности, в ч. 7 ст. 241 УПК РФ предусмотреть, что провозглашение приговора или иного судебного решения во всех случаях должно ограничиваться оглашением их вводной и резолютивной частей. В действующей же редакции ч. 7 ст. 241 УПК РФ речь пока идет об оглашении вводной и резолютивной частей только приговора лишь по уголовным делам об отдельных видах преступлениях (ст. 205—206, 208, ч. 4 ст. 211, ч. 1 ст. 212, ст. 275, 276, 279 и 281 УК РФ). Но в предлагаемом нововведении, повторимся, приговор указывается наряду с иными судебными решениями. При этом нельзя не отметить, что в законе есть отдельная статья, посвященная провозглашению исключительно приговора (ст. 310), входящая в главу 39 УПК РФ «Постановление приговора».

Из приведенных примеров юридической техники видно, что на уровне регламентации отдельного вопроса об оглашении приговора проявляются две тенденции: новая и традиционная. Однако подчеркнем, что они последовательно проводятся и по другим аспектам нормативного определения понятия приговора.

Новая тенденция выражается в том, что в ряде норм УПК РФ приговор фактически приравнивается к иному судебному решению, т. е. не выделяется как особый акт правосудия. Например, это отчетливо видно из содержания ст. 401.6 УПК РФ, где говорится о нарушениях закона, искажающих саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия. Соответственно, и приговор, и иные судебные

решения представлены в законе в качестве актов правосудия. В то же время законодатель следует и традиционной тенденции выделения особенности приговора в ряду всех видов процессуальных решений. Она выражена в том, что приговору законодатель посвящает целую главу (глава 39 УПК РФ), конкретизируя вопросы, разрешаемые в приговоре, определяя требования, которым он должен отвечать, порядок его постановления, в том числе способ оглашения.

Наблюдаемые тенденции вызывают вопросы о том, занимает ли приговор особое место в числе судебных решений и является ли он единственным актом правосудия.

Обратимся к положениям п. 28 ст. 5 УПК РФ, где указано, что «приговор — решение о невиновности или виновности подсудимого и назначении ему наказания либо об освобождении его от наказания, вынесенное судом первой или апелляционной инстанции». В данном определении акцент делается на то, кем постановляется приговор и в чем состоит его суть как решения. Этой детализацией подчеркивается, что именно приговор отвечает на основной вопрос уголовного судопроизводства: о невиновности или виновности подсудимого [3, с. 81]. Словом, из всех определений понятий видов судебного решения таким указанием конкретизируется лишь понятие приговора.

В целом положения п. 28 ст. 5 УПК РФ и нормы главы 39 УПК РФ позволяют расценивать приговор как особый акт в ряду иных судебных решений. Но в остальных нормативных положениях УПК РФ особенность приговора выделяется непоследовательно и, более того, затушевывается. Это видится не только в приведенной выше ст. 401.6 УПК РФ, но и в п. 53.2 ст. 5 УПК РФ, где определяется, что итоговое судебное решение — приговор, иное решение суда, вынесенное в ходе судебного разбирательства, которым уголовное дело разрешается по существу.

Однако приговор не постановляется в ходе судебного разбирательства, он является итоговым процессуальным актом, конечным результатом, в целом формируемым судебным разбирательством. Иные итоговые решения как разрешающее уголовное дело (постановление о прекращении уголовного дела) могут постановляться и на других стадиях, например в стадии назначения судебного заседания или кассационного производства.

Полагаем, что особенность приговора следовало бы подчеркнуть указанием в положениях п. 28 ст. 5 УПК РФ на то, что он постановляется судом именно в результате проведенного судебного разбирательства. Такое уточнение представляется важным, поскольку оно показывает, что фактическая и правовая основы приговора формируются посредством

процессуальной деятельности суда и сторон уголовного дела при соблюдении всех принципов правосудия, а также вытекающих из этих принципов общих условий (глава 35 УПК РФ).

Но с законодательным установлением различающихся порядков судебного разбирательства приговоры также стали различаться по способу своего формирования соответственно как приговоры, постановленные в результате общего порядка судебного разбирательства, и приговоры, постановленные в результате особого (сокращенного) судебного разбирательства.

По нашему мнению, на статус приговора как акта правосудия может претендовать приговор, постановленный только в результате судебного разбирательства с проведением полного судебного следствия. Именно он должен постановляться от имени государства, поскольку способ формирования его фактической основы посредством полноценного судебного разбирательства отвечает условиям, определяющим его же юридическую надежность. В связи с тем что особый (сокращенный) порядок судебного разбирательства не предусматривает судебного следствия, становится понятным, что технология его формирования не отличается юридической надежностью. Полагаем, такие приговоры не должны постановляться от имени Российской Федерации: они в целом схожи с другими итоговыми решениями, например с решением (постановлением, определением) о прекращении уголовного дела.

Таким образом, в дефиниции «приговор как акт правосудия» ключевую роль мы отводим понятию «судебное разбирательство». Однако в законе его толкование не является четким. Анализ нормативных определений дает основание для отождествления судебного разбирательства с судебным заседанием. Так, в законе указывается, что судебное заседание — процессуальная форма осуществления правосудия в ходе досудебного и судебного производства по уголовному делу (п. 50 ст. 5 УПК РФ). В пункте 51 ст. 5 УПК РФ содержится следующее толкование: «Судебное разбирательство — судебное заседание судов первой, второй, кассационной и надзорной инстанций». Эти нормативные положения не вносят, на наш взгляд, какой-либо определенности. Они подтверждают лишь вывод о том, что судебное разбирательство — это судебное заседание, а поскольку судебное заседание имеет место во всех стадиях уголовного процесса, то получается, что и суд кассационной инстанции, и суд надзорной инстанции проверяют и пересматривают вступивший в силу приговор именно в судебном разбирательстве.

При таком подходе, как представляется, не было особой нужды нормативно определять судебное разбирательство, если оно полностью совпадает с понятием судебного заседания. Если к судебному разбирательству содержательно (как к виду процессуальной деятельности) приравнять заседание суда кассационной и надзорной инстанций, то понятие судебного разбирательства как деятельности в центральной стадии уголовного процесса размывается. Но даже если и приравнять, то все равно отличие есть: судебное разбирательство включает судебное следствие, а судебное заседание суда кассационной и надзорной инстанций — нет. По этой же причине не все общие условия, специально выделенные в главе 35 УПК РФ для судебного разбирательства, в полной мере относимы к судебному заседанию суда кассационной и надзорной инстанций, например непосредственность исследования доказательств в судебном следствии. Логичнее было бы определить судебное разбирательство как вид судебного заседания, где судом первой и второй инстанций рассматривается и разрешается уголовное дело по существу с разрешением главного вопроса уголовного процесса о невиновности или виновности подсудимого.

Как видится, законодатель не следует доктринальным положениям о понятии «судебное разбирательство». По мнению Е. А. Зайцевой, он дает его широкую трактовку, непоследовательно используя термины, обозначающие стадии и формы отправления правосудия судом. Так, глава 35 УПК РФ именуется «Общие условия судебного разбирательства», а в главе 36 УПК РФ говорится о деятельности суда в подготовительной части *судебного заседания*. «Под „судебным разбирательством“ подразумевается вторая стадия судебного производства, которая является центральной стадией уголовного процесса. Именно в ходе судебного разбирательства суд первой инстанции на основании всестороннего исследования обстоятельств уголовного дела принимает решение по существу и выносит приговор — процессуальный акт, в котором отражается вопрос о виновности (невиновности) подсудимого и о назначении ему наказания либо об освобождении от его отбывания. Таким образом осуществляется функция правосудия — непереносимый атрибут судебной власти» [4, с. 25].

Н. С. Манова также рассматривает судебное разбирательство как вид судебного производства по его функциональному назначению, т. е. разрешению дела по существу, что должно пониматься как осуществление правосудия [5, с. 292].

Приведенные подходы представляются правильными. Судебное разбирательство

обозначает конкретный вид судебного производства — деятельности, посредством которой дело разрешается по существу. Понятие же «судебное заседание» не отражает специфики конкретного вида судебной деятельности по уголовному делу, а обозначает лишь общую организационную форму деятельности суда [6, с. 267]. Судебное разбирательство обязательно должно включать судебное следствие — *разбор* обстоятельств дела при условии непосредственного исследования доказательств в целях решения вопроса о виновности подсудимого. Это и должно пониматься как правосудие. В противном случае любое судебное заседание — судебное разбирательство, а любое, даже промежуточное решение суда, — акт правосудия. Но тогда неизбежен вопрос: на чем же должно базироваться выделение приговора как отдельного вида судебного решения, постановляемого от имени государства — Российской Федерации?

Указание в тексте приговора, что он постановляется именем Российской Федерации, не формальность. Оно выступает правовым символом (как средством юридической и правоприменительной техники), подтверждающим его юридическую надежность и социальную значимость. Именно этой нормативной декларацией (ст. 296 УПК РФ) открывается глава 39 УПК РФ «Постановление приговора». Но если следовать логике законодателя, судя по содержанию пп. 53.1, 53.2 ст.5 УПК РФ, то все судебные решения как акты правосудия суда любой инстанции должны постановляться от имени государства.

Правосудие там, где осуществляется разбор обстоятельств вмененного подсудимому обвинения, т. е. выясняется существо дела на основе доказательств наличия или отсутствия спорного уголовно-правового отношения, включая установление вины подсудимого. В связи с этим считаем обоснованным изложить п. 28 ст. 5 УПК РФ в следующей редакции: *«Приговор — акт правосудия, устанавливающий невиновность подсудимого или его виновность с назначением наказания либо с освобождением от наказания, постановляемый судом первой или апелляционной инстанции от имени Российской Федерации в результате судебного разбирательства уголовного дела в порядке, установленном главами 35, 36, 37, 38, 39 настоящего Кодекса»*.

При таком определении, конечно, неизбежно возникнет вопрос: как тогда определять приговор, постановленный в особом порядке судебного разбирательства? Ясно, что он также разрешает уголовное дело по существу, но устанавливая только виновность подсудимого. Законодатель, как уже отмечалось, обозначил его в новой редакции ст.

90 УПК РФ как квазиприговор, не наделяемый преюдициальной силой по причине возникающих сомнений в его истинности. Соответственно, такой приговор не должен выноситься от имени государства, иначе получается, что порядок судебного разбирательства особый, а приговор традиционный, постановляемый от имени государства. По нашему мнению, его следует определить как *согласительный приговор*. Для обозначения его отличия от понятия приговора в предложенной редакции п.28 ст. 5 УПК РФ необходимо дополнить ст. 5 УПК РФ новым пунктом 42.1 с следующего содержания: *«Согласительный приговор — итоговое судебное решение, постановляемое судом первой инстанции в судебном разбирательстве, проведенном в порядке, предусмотренном ст. 226.9, 316, 317.7 настоящего Кодекса. Согласительный приговор постановляется без применения правового символа „именем Российской Федерации“»*.

Безусловно, согласительный приговор — вид итогового судебного решения. Однако и постановление суда о прекращении уголовного дела — итоговое судебное решение, разрешающее уголовное дело по существу. В этом плане интерес представляет позиция Д. М. Беровой, которая полагает, что правосудие — это разрешение уголовного дела по существу, и не имеет значения, завершается ли оно постановлением приговора или постановлением о прекращении уголовного дела, применении мер принудительного медицинского характера или принудительных мер воспитательного воздействия [7, с. 17, 18]. Иными словами, где разрешается уголовное дело по существу, там и правосудие.

Но по вопросу соотношения понятий «разрешение дела по существу» и «правосудие» высказывается и другая точка зрения. Так, Л. Ф. Мартыняхин считает, что «разрешение дела по существу» (как функция) включает в себя правосудие, «назначение принудительных мер или прекращение судом уголовного дела» [8, с. 121]. Иными словами, понятие «разрешение дела по существу» шире правосудия. С этой позицией следует согласиться. Представляется, что функция разрешения дела во всех случаях необязательно должна быть привязана к решению о виновности или невиновности лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Эта функция, по нашему мнению, выражается в любом применении норм уголовного закона и уголовно-процессуального закона к спорным правовым ситуациям, требующим установления фактических обстоятельств этой ситуации (фактической основы) и, соответственно, разрешения. Так, при

установлении на предварительном следствии любых оснований, в том числе нереабилитирующих, для прекращения уголовного дела (уголовного преследования), следователь разрешает сложившуюся правовую ситуацию — принимает соответствующее процессуальное решение [9, с. 93]. Таким образом, любая юрисдикционная правоприменительная деятельность выражается в разрешении тех или иных спорных правовых ситуаций. В связи с этим мы разделяем приведенную точку зрения Л. Ф. Мартыняхина: правосудие — *один* из видов реализации функции разрешения уголовного дела по существу. Оно отличается от других видов реализации этой функции тем, что отвечает на вопрос о виновности или невиновности подсудимого, а также способом формирования ответа на этот вопрос в судебном разбирательстве.

Кроме того, при всех основаниях, по которым возможно прекращение уголовного дела в суде первой и второй инстанции, вопрос о виновности подсудимого не разрешается. Лишь один вид судебного решения о прекращении уголовного дела основывается на реабилитирующем основании — отказе прокурора от обвинения (ч. 7 ст. 246 УПК РФ). Несмотря на то что такой отказ связан именно с существом обвинения — его недоказанностью — он должен, как представляется, пониматься как *процессуальное препятствие* к собственно разрешению уголовного дела (*nemo sine actor* — нет процесса без иска). Суд в этом случае избавлен от необходимости разрешения основного вопроса о виновности подсудимого, так как снимается сама спорная правовая ситуация по установлению наличия или отсутствия оснований для уголовной ответственности.

Список библиографических ссылок

1. О внесении изменения в статью 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 29 июня 2015 г. № 191-ФЗ // Рос. газ. 2015. 6 июля.
2. О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2017 г. № 13. URL: <http://www.vsrif.ru> (дата обращения: 19.05.2017).
3. Мотовиловкер Я. О. О предмете и движущей силе уголовного процесса // Правоведение. 1987. № 6. С. 81—83.
4. Зайцева Е. А. Сущность и значение стадии судебного разбирательства // Уголовный процесс: учебник. Ч. 3. Судебное производство по уголовным делам. 4-е изд., перераб. и доп. / под ред. В. Г. Глебова, Е. А. Зайцевой. Волгоград: ВА МВД России, 2013. 296 с.
5. Манова Н. С. Сущность и процедуры производства по проверке судебных решений, не вступивших в законную силу // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: год правоприменения и преподавания. М.: МГЮА, 2004. С. 291—295.
6. Аширбекова М. Т. Принцип публичности уголовного судопроизводства: понятие, содержание и пределы реализации: дис. ... д-ра юрид.наук. Волгоград, 2009. 483 с.
7. Берова Д. М. Совпадает ли правосудие с разрешением уголовного дела судом? // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 4. С. 15—19.
8. Мартыняхин Л. Ф. Судебные уголовно-процессуальные функции, их предмет и пределы осуществления // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 327. С. 118—121.
9. Аширбекова М. Т. Соотношение уголовно-процессуальных функций с этапами правоприменения и назначением уголовного судопроизводства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 4. С. 90—95.

© Аширбекова М. Т., Кудин Ф. М., 2017